

Анатолий ЧУПРИНСКИЙ

ЕМЕЛЯ
Литературный киносценарий

Москва
Издательство «БПП»
2009

ЧУПРИНСКИЙ
Анатолий Анатольевич

ЕМЕЛЯ

МОСКВА, Издательство «БПП», 2009. - с 74.

Вольный, современный перефраз всем известной с детства сказки, виртуозно исполненный по заказу широко известного кинорежиссёра детских музыкальных лент Леонида Нечаева («Приключения Буратино», «Про Красную Шапку», «Дюймовочка»), к большому сожалению, своему и общему, фильм по этому сценарию пока ещё не снявшего.

ISBN 978-5-901746-11-0

© ЧУПРИНСКИЙ А.А., 2009
© Издательство «БПП», 2009

Когда Господь создал Емелю, то по завершении, плюнул в него. И не промахнулся. Так уж у Них повелось. Чтоб способностями, или какими талантами награждать, надо в свое творение плюнуть. Создатель явно пребывал в тот день в хорошем расположении духа. Наградил Емелю внешностью, ростом, добротой, смелостью и прочими иными достоинствами. Не забыл, разумеется, главного качества для русского человека. Щедро одарил ленью. Между прочим, быть ленивым, еще не значит быть плохим. Типа, как бы, отрицательным. Ведь если ничего не делаешь, лежишь себе на печке, стало быть, ничего скверного не сотворишь. В лени тоже есть свои плюсы. Ведь если б все законы, указы и постановления русский народ исполнял дотошно, как немец какой-нибудь, давно бы вымер от непомерной нагрузки. Стало быть, русская лень – это, как бы, типа, инстинкт самосохранения. Когда надо мы, все как один слезем каждый со своей печи. Развернись плечо, размахнись рука. И все такое.

Вообще, самые сложные и запутанные дела стоит всегда поручать лентяю. Он же, разумеется, исключительно из лени, найдет самый простой и короткий путь решения любой проблемы. Но мы отвлеклись.

Короче, жил да был мальчик Емелюшка. Ну, очень ленивый. Лежал он в основном на печи. Или на берегу речки. Или в чистом поле. И философски созерцал окрестности.

Деревушка, в которой он проживал, всего-то ничего. Три-четыре избы. И все на ладан дышат. Покосившиеся, того гляди, завалятся на бок. Оно и понятно. Мужиков в

деревнях уже вовсе не осталось. Кто спился, кто в город подался.

Короче, был наш мальчик Емелюшка единственным мужчиной в деревне.

Матушка с ним измучилась.

— Емелюшка! Принеси воды из колодца!

Нет ответа.

— Емелюшка! Наколи дров!

Ноль внимания, фунт презрения.

— Емелюшка! Почини, калитку! Перед соседками стыдно.

Никакой реакции. Перед соседками, действительно, было очень стыдно.

— Емелюшка! Помоги матери хотя бы белье повесить!

Не слышит. Хоть кол ему не голове теши.

— Пофигист вырос! — качали головами соседки.

Емелюшка, в самом деле, был беспробудно, где-то, принципиально ленивым. Но очень симпатичным. Даже красивым. Белокурые волосы, улыбка в сорок два зуба. С раннего детства девочки и девушки поголовно на него заглядывались. И вздыхали. Фантазировали себе, известно чего.

Мамаша их гоняла от избы с утра до вечера.

А Емелюшка в основном смотрел в небо. То-ли, га-лок ворон считал, то-ли, мечтал летчиком космонавтом стать, никому неведомо.

В царстве государстве, в котором явился миру мальчуган Емелюшка, на другом противоположном конце

социальной лестницы, если так можно выразиться, проживало еще одно прелестное существо.

Девочка царица Яна. Веселая, хохотушка. Была она наполовину сиротой. Мать ее, Царица, при родах отдала Богу душу. Яна об этом пока не очень задумывалась. Ей до поры вполне хватало общения с иностранной воспитательницей Кларой.

Клара всегда читала какую-то толстую книгу, ни на кого не обращала внимания. Казалось, по-русски знала единственную фразу:

— Наш рейбенек райзвивайса гармонично!

Торжественно произносила её в любой ситуации.

Еще Клара играла на кларнете. Ходили слухи, на родине она свистнула кларнет у жениха Карла. Тот, вроде, на ней отказался жениться. Вдобавок украл у нее кораллы. Короче, была в ее прошлом какая-то детективная история.

То-ли, она украла, то-ли, у нее украли.

О своем прошлом Клара говорила неохотно:

— Подлый Карл украл кораллы! Все мужчины подлеса!

Словом, Яна была предоставлена себе самой. Ее веселый звонкий смех колокольчиками разносился по всем залам и коридорам дворца.

Куклы, мячики, прыгалки, скакалки. Все у нее было как у всех. Точнее, больше, нежели у всех. У царицы было все. Даже то, чего вообще не бывает. Папа ведь был у нее не кто-нибудь. Авторитетный царь. Царь в законе. За глаза его так и звали:

— Наш-то! Авторитет!

— А-а, который весь в законе.

Царь, действительно, целыми днями писал Законы. Постановления или Указы. Другим ничем не занимался. До чего другого руки не доходили.

У Царя всегда по бокам маячили два типа. Черные костюмы, черные очки. То-ли, охранники, то-ли, референты. Короче, из одного ларца, одинаковы с лица. И в ушах у каждого миниатюрные наушники.

— Первый! Он вышел! Встречайте!

— Седьмой! Как у вас, чисто?

Царевна Яна по три раза на дню забегала к нему в кабинет.

— Папочка! Давай поиграем?

Как о стенку горох. Отец даже голову от бумаг не поднимал.

— Некогда, дочка. Восемь законов написать надо. Пятнадцать указов. И еще сорок постановлений. Голова кругом. Закон о крахе, закон о страхе, закон о прахе...

— Поиграем в козла?

— Как это?! — не отрываясь от бумаг, изумлялся Царь, — Домино, что ли?

— Не домино. Ты будешь козлом, я ковбойцем. Сяду на тебя верхом, и мы будем скакать, скакать по прериям.... Тебе нужна эмоциональная разгрузка. А то работаешь этот, как он... гольфстрим!

— Ты хотела сказать, гастрит, дочка? Он у меня уже имеется.

— Поиграем в козла, папочка!

— Дочка! — строго, даже почти сурово, отвечал царь, — называть родного отца «козлом», нехорошо. Тем более, если он на высокой должности.

— Почему, нехорошо? Козлы очень даже симпатичные.

— Неэтично, дочка. Я все-таки, царь. Или не царь?

— Царь, царь, — вздохнув, соглашалась Яна, — Значит, не будешь козлом?

— Козлом быть никто не хочет! — тоже тяжело вздохнув, отвечал царь.

Девочка Яна долго не горевала. Развлекала себя сама. Как могла. Обычно, после разговора с отцом, вскакивала, (за неимением козла!), верхом на метлу, и, размахивая саблей, носилась по прериям дворца в поисках неразумных хазаров. Которых следовало наказывать. Чтоб не портили ворота и двери дворца дурацкими объявлениями.

Обычно Царь тут же вызывал Клару. Та являлась, уткнувшись носом в книгу.

— Мало уделяете внимания дочери!

— Наш рейбенек райзвиваетса гармонично! — отвечала Клара.

Захлопывала книгу. И шла играть на кларнете. Демонстративно.

Вокруг царского дворца небольшой городок. Столица. Миниатюрный мегаполис. На каждом из домов какая-нибудь вывеска. «Хлеб, да соль», «Курица и птица», «Накуси – выкуси!», «Купи – продам!», «Биг и Маг!», «Лиля и Брик», «Смит и Вессон», «Елки и палки», «Вишневый сад и топор», и другие.

Над дверью одного, например, красный фонарь. Ну, это... кто знает, тот понимает. Вывеска «Без проблем!» знакома многим.

А над центральной улицей кумачовая растяжка колышется. «Не разрешайте!!!».

Все резко изменилось в жизни нашей царевны Яны, когда она стала чуть постарше. Когда научилась читать. Читала она в основном стихи.

И стала наша Яна тихой и задумчивой.

Пару раз пыталась излить душу Кларе. В ответ слышала одно:

— Все мужчины – подлесья! Я рассказывал, подлый Карл украл...

А потом...

Потом случилось то, что рано или поздно происходит с каждой девушкой. Вернее, девочкой. Она повстречалась с нашим Емелюшкой.

Бежала Яна как-то меж полей по тропинке. Непосредственно, к речке направлялась. Посмотреть, как там караси на отмели поживают. Не обижает ли их кто. Щука или кто. Яна с колыбели была озабочена проблемами экологии, сохранением окружающей среды, фауны и флоры. И все такое.

Решила Яна свернуть с тропинки, срезать угол. По высокой густой траве побежала.

И вдруг... девочка царевна Яна увидела мальчика по имени Емелюшка.

Точнее сказать, увидела она его позже. Сначала она со всего маху шлепнулась на землю. И даже очень больно ушиблась носом. Потому как Емеля сделал ей подножку. Вот она и шлепнулась. Когда поднялась, увидела.... его! ЕГО!!!

Он лежал в траве, закинув руки за голову. И закинув ногу на ногу. Смотрел в небо.

Невидимый Великий дирижер, (сидевший на облаке!), взмахнул палочкой и...

...сразу в юной, даже детской, но все же, уже женской душе Яны зазвучал целый оркестр. Будто все музыканты со всего мира одновременно врезали по своим инструментам. Какие только были у них в наличии.

Ах, какая это была такая симфония! Просто ком в горле и слезы из глаз! Бетховен с Брамсом отдыхают! И даже сам Моцарт, тоже!

Кстати, невидимый Великий Дирижер – существо inferнальное. Он для кого-то невидимый, некоторые его очень даже прекрасно различают. Во всех ситуациях.

Дирижер, как дирижер. Смокинг, бабочка, палочка в руке. Внешне смахивает на великого ученого Эйнштейна. Только замашки у этого самого Дирижера какие-то странные. То на облачке сидит, то на самом коньке крыши деревянной избы, то на спину корове пристроится.

И бесцеремонно вмешивается в самые разные ситуации. Еще привычку дурацкую имеет. Чихает и кашляет, когда ему вздумается. В очень неподходящие моменты. Достанет свой белый кружевной платок и... как! чихнет! Окружающие только вздрагивают и оглядываются по сторонам. Большинство, естественно, ничего не видит.

Но, вернемся к нашим баранам. Пардон! В смысле, к Емеле и девочке Яне.

Емелюшка лежал себе на спине, нога на ногу, смотрел в небо и задумчиво жевал травинку. Девочку Яну, как бы, и не замечал. Может, просто не слышал эту замечательную симфонию? Или только делал вид, что не слышит.

— Извини, пожалуйста, — прошептала Яна, — Я тебе не помешала?

— Для меня бабы – пустое место, — глядя в небо, ответил Емелюшка.

— Я еще не... баба. Я девочка, — всхлипывая, пожаловалась она.

Со всего маху врезаться носом в землю, пусть и покрытой густой и мягкой травой, удовольствие не из приятных. Ее можно понять.

Но Емелюшке было не до Яны. Он осмысливал нечто крайне важное, глобальное.

Девочка Яна, потирая пальчиком нос, осторожно присела рядом на траву.

Емеля мельком глянул на нее, сорвал лист подорожника, плюнул на него и довольно бесцеремонно прилепил на носик Яны.

— Спасибо большое, — тихо сказала она.

— Не за что! Этим раны лечат.

— Спасибо! Меня зовут Яна, — на всякий случай, сообщила она, — А тебя как?

— Емельян!

— Емелюшка-а! — обрадовалась Яна, — Очень красивое имя.

— Без фамильярностей! — строго оборвал ее Емеля, — Мы вместе лаптем щи не хлебали. Емельян!

— Почему... лаптем? — удивленно спросила девочка Яна.

— Не мешай! — поморщился Емеля, — Я тишину слушаю.

Девочка Яна тоже прислушалась. Оказалось, очень увлекательное дело, слушать тишину. Тишина была, конечно, относительная. Гулко хлопая крыльями, порхали разноцветные гигантские бабочки. Оглушительно трещали невидимые миру кузнечики. Где-то высоко пел жаворонок. И даже куковала кукушка в дальнем лесу.

Казалось, во всем мире никого больше не было. Только эти двое. ОН и ОНА.

— Почему медведи не летают? — помолчав, спросила она.

Спросила просто так. Без всякой задней мысли. Вообще, без всякой мысли. Просто чтоб как-то разговор завязать.

Емеля только поморщился от подобной бабской глупости.

— Как же он полетит-то, сама подумай! — недовольно ответил Емеля, — Если у него хвоста нету!

Емелю с колыбели возмущала женская глупость и ограниченность. Отца-то у него не было. Неполная семья, как говорится. Одна только маманя. Поговорить по-мужски по душам не с кем.

— Разве без хвоста нельзя летать? — тихо поинтересовалась Яна.

— А поворачивать, как? Рулить, как? — снисходительно усмехнулся Емеля. И, вздохнув, рассудительно добавил, — Допустим, взлетел. Разбежался, как следу-

ет, лапы в стороны и... запорхал. Что ж, так все по прямой и лететь, лететь?

— Об этом я не подумала.

— Все бабы, дуры! — тяжело вздохнул Емеля.

Сказал, как отрезал. И даже от нее со спины на бок отвернулся. Но в небо смотреть не перестал. Задумчиво так смотрел, с некоторой грустью.

Лицо у него при этом было очень романтическое. Красивое и вдохновенное.

Яна так прямо об этом и сказала:

— У тебя очень красивое романтическое лицо.

— Дура! — пожав плечами, ответил Емелюшка.

Девочка Яна только вздыхала. Очень безнадежно. Она уже почувствовала всеми фибрами своей юной женской души, что с первого взгляда трагически влюбилась в Емелюшку. На всю оставшуюся жизнь.

— Папа говорит, я умная.

— Не верь, — отрезал Емеля, — Обманывает. Он кем у тебя работает?

— Царем, — застенчиво ответила девочка Яна, — Нашим государством руководит.

— Это каждый дурак может.

Емеля задумчиво смотрел в небо. Девочка Яна смотрела на Емелю. Во все глаза.

— Давай с тобой, типа... дружить? — едва слышно попросила она.

Емеля скосил на Яну один глаз, смерил ее с ног до головы.

— Не получится, — мрачно ответил он, — Мы по разные стороны баррикад.

— Каких... б-баррикад? — испуганно спросила Яна.

— Общественно-политических, — строго ответил он,
— Ты царская дочка, в сыре масле катаешься. Я - голь перекатная, босяк.

Емеля для наглядности повертел в воздухе босой ногой. И опять закинул ее на другую ногу. Девочка Яна только тихо-тихо вздохнула.

— Мир хижинам, война дворцам, — сказал он. Дал понять, разговор окончен.

— Я в политике не понимаю. Сыр с маслом терпеть не могу! Никогда не ем!

Довольно долго ОН и ОНА молчали. Слушали трели жаворонка.

— Я могу пригласить тебя в гости? — осторожно спросила Яна.

— Пригласить, можешь.

— У меня во дворце много всяких игр, — обрадовалась Яна, — Гольф, пинг-понг, заводная обезьяна...

— Только я не приду, — прервал ее Емеля.

— Почему?

— Лебедь курице, не товарищ!

Емелюшка поднялся с земли, подтянул портки, шмыгнул носом и, не оглядываясь, направился к своему дому. Напрямик через поле. Он шел, сбивая головки цветов.

— Значит, мы больше никогда не увидимся? Никогда, никогда? — уже не скрывая слез, с ужасом воскликнула несчастная Яна.

Ведь у нее никогда никого не было. Ни друзей, ни подруг. Единственный раз в жизни повезло, да как! И... та тебе!

— Не судьба! — не оборачиваясь, ответил ОН.

— Но ведь это... несправедливо-о!!! — в голос зарыдала ОНА.

Невидимый Великий Дирижер взмахнул палочкой и во всем царстве государстве, во всех его уголках и закоулках зазвучала очень трагическая мелодия. Не услышать ее мог только абсолютно глухой. Или совершенно бесчувственный человек.

В тот же день Яна без стука ворвалась в рабочий кабинет Царя батюшки. Хотя, она всегда входила к нему в кабинет без стука. Ей позволялось. Решительно встала перед столом, уперла ручки в худые бока. Глаза ее сверкали, щеки пылали. На носу красовался лейкопластырь. Крест-накрест.

— Папочка! Ты самый главный в нашем государстве?

— Самый-самый, — подтвердил Царь. И добавил, — Второй после Бога.

Он, как водится, разбирал бумаги. Законы, постановления, указы всякие.

— Тогда выполни мою просьбу!

— Любую, — не поднимая головы, ответил Царь, — Проси, чего хочешь.

— Напиши еще один закон!

— О чем? — удивленно спросил Царь.

Его рука с авторучкой, (с золотым пером, между прочим!), застыла над очередным законом. Или указом. Или постановлением. Это неважно. Важно, он поднял голову от бумаг и впервые за долгое время посмотрел в лицо дочери.

— Что у тебя с носом? — озабоченно спросил Царь.

— Он растет! — с вызовом ответила дочь.

— Понимаю. О чем закон? — удивленно и слегка насмешливо повторил он.

Дочери его, царевне Яне было не до шуток. Щеки ее по-прежнему пылали. Глаза еще пуще сверкали. От благородного гнева. Не иначе.

— Закон! Чтоб все были во всем равными! — выпалила Яна.

— «Мы днем и ночью во всем равны. На нас надеты одни штаны», — задумчиво пробормотал Царь, — Зачем тебе такой глупый закон?

— Вовсе не глупый! Он справедливый!

— Я — царь! — ответил отец, — Но не дурак! Хочешь, чтоб над твоим отцом народ смеялся? Сделать из меня посмешище?

— Объявляю голодовку! — звонко выкрикнула Яна.

И для убедительности топнула ногой. Два раза. И быстро вышла из кабинета.

— Мои гены! — удовлетворенно кивнул Царь.

И опять углубился в бумаги.

Прошло время. Емеля и Яна подросли. Слегка. Юношей и девушкой в полном смысле еще не стали, но уже и не дети. Оба приближались к самому роковому возрасту. Оба изменились характерами. Что естественно. Стали нетерпимыми к окружающим и очень категоричными. Слова им поперек не скажи.

Емеля по-прежнему в основном лежал на печке. И смотрел в потолок. Мамаша, естественно, постоянно вязалась к нему.

— Емелюшка! Сходи за водой. Колодец рядом. В двух шагах. Мне уже тяжело.

— Достала, маманя!

Вздыхнул наш Емелюшка, слез с печи и пошел к колодцу. Коромысла, ведра, все такое. Начал ручку крутить, бадью вниз опускать. Потом, как водится, в обратную сторону. Поначалу он как-то и внимания не обратил, бадья-то больно тяжела. А когда до конца ручку докрутил, все-таки очень удивился.

В бадье, как водится, Щука. Наш Емеля так и замер весь в неподвижности.

Больно крупная Щука. И морда у нее какая-то не очень рыба. Что-то человеческое в ней явно проглядывает.

А Щука и говорит. Эдак, с некоторой укоризной в голосе. На чистейшем русском:

— Что смотришь? Щуку, чтоль, не видел?

Честно говоря, Емеля не очень удивился, что Щука разговаривать умеет. В данном царстве государстве и не такие еще чудеса приключаются.

Гораздо удивительнее другое обстоятельство. Зачем Щука в колодец забралась? Река, оно понятно. А тут...

— Каким Госфстримом тебя в наш колодец занесло?
— спросил Емеля.

— Нужда заставит, в аквариум залезешь. Всю экологию извели, изверги! — тихо пожаловалась Щука, — Особняки строят, особняки. Все ручьи, озера и реки химией потравили. Куда податься бедным водоплавающим?

— Есть такая проблема, — согласился Емеля, — Царь батюшка новую программу по экологии разработал.

— Пиар это. Пустой пиар. Они только о рейтинге беспокоятся.

— Тоже верно, — опять согласился Емеля, — За чужой щекой зуб не болит.

— Оставь меня, Емелюшка, в колодце. В нашем государстве только у вас чистая вода и осталась. Даже в царском дворце привозную из бутылок хлещут. А я у вас буду на полном пансионе. Мне и жить-то осталось лет... двести. Не больше.

Емеля слушал внимательно, нахмурившись. Видно, проблемы экологии его тоже волновали. В полном объеме. Он так и заявил:

— Экология важный приоритет.

Щука, между тем, продолжала:

— Мы ведь долго не живем. Всего-то лет семьсот. В сравнении с вечностью, тьфу, мгновение. Так, как? Сговорились. Щедро награжу. Любое желание.

Емеля почесал затылок.

Есть у нас такая русская народная привычка. Прежде чем что сказать, либо что сделать, непременно затылок почесать. За другими, какими народами такой привычки не наблюдается. Но это так, между прочим.

— Думал, будешь проситься обратно в реку, — задумчиво сказал Емеля.

— Уж лучше сразу в ресторан на кухню! Под нож повара! — с неподдельной горечью в голосе, заявила Щука.

— Не знаю, как и быть, — продолжал сомневаться Емеля, — Зарегистрировать бы тебя надо. Заявку подать, экологический налог уплатить...

— Не думай, от меня рыбьего запаха никакого. Я ведь не простая щука, волшебная. В смысле, волшебства всякие творить умею.

— Знаю. Не маленький.

— Хочешь, ковер-самолет? Или скатерть самобранку? А может, печь самоходную? Мощностью сто сорок лошадиных сил. Электронный впрыск, подушки безопасности. Автоматическая коробка передач, не хуже чем у людей.

— Своя печь имеется.

— Почувствуешь разницу. На твоей-то только бока пролеживать. Пирог блины печь. А я тебе предлагаю самоходную. Кати, куда вздумается. Ход плавный, весь на воздушной подушке.

Емеля вида не показывал, хотя у самого сердце забило неровно. Кто откажется от самоходного аппарата на воздушной подушке. Отечественного производства. Стало быть, с запчастями проблем не будет.

— Топлива, небось, не напасешься, — недовольно сказал Емеля.

— Всего полтора полена на сто верст. По рукам?

Ударили по рукам. В смысле, плавниками по ладоням.

— Презентацию на завтра назначаю!

И случилось обыкновенное чудо. Довольно заурядное, по меркам данного царства государства. Стена емелиного сарая, бесшумно, как ворота супер совре-

менного гаража, снизу вверх приподнялась и во двор выехала самоходная Печь.

Конечно, специалистам сразу видно. Невооруженным глазом. Агрегат явно самодеятельный. Нет того блеска, шика и изящества, что наблюдается в иных иноземных аппаратах. Как вроде бы, «Запорожец» самой распоследней модели. Машина надежна, неприхотлива, для наших дорог – в самый раз.

Указатели поворотов, стоп-сигналы, молдинги, все чин-чинарем.

Первый же выезд Емели на трассу обернулся ДТП. На перекрестке проселочных дорог столкнулся со ступой Бабы Яги. Авария не Бог весть, какая. Так, помялись оба чуть-чуть. У емелиной печи один кирпич сбоку вылетел. У ступы Бабы Яги и того меньше, едва заметная царапина.

А как все хорошо складывалась поначалу! Мчался Емеля на своей печке! Аж дух захватывало-о! Поберегись, прохожий!!!

Только ветер свистел в ушах, да мелькали придорожные кустики. Что там впереди? Разве имеет значение? Главное – движение, почти полет! Чего и не хватает загадочной русской душе! Ощущения полета-а!

А потом, как водится, расплата!

ДТП! Крику было!

Ягу тоже понять можно. У нее ступа новенькая, последней модели. Заморского производства. Только что из салона. Вся из себя красная, молдинги белые.

Она, между нами, баба скандальная. Одно слово, Яга!

— Куда прешь, деревенщина! Не видишь, я еду!?

— У меня преимущество! Знак, какой? Уступи дорогу!

— Я женщина! Ты слепой или тупой!?

— На дороге все равны! Правила соблюдать надо!

Тут как из-под земли Леший гаишник вырос. Когда надо, их днем с огнем не сыскать. А тут здрасте, я ваша тебья!

— Та-ак! ДТП, стало быть? — улыбаясь от уха до уха, констатировал Леший. Улыбка у него и в самом деле такая, от уха до уха.

— Нарушаем, стало быть!

— Кто нарушает, кто нарушает?

— Обои нарушаете! Превышаете, не соблюдаете!

— Ты разберись сначала!

— Помолчите, женщина! И предъявите документы! И вы – тоже!

Это он к Емеле обратился. И все с улыбкой. Доброжелательной такой улыбкой.

Делать нечего. Яга и Емеля протянули Гаишнику свои корочки. Леший корочки взял и, по-прежнему, улыбаясь, внимательно их изучает. А сам все улыбается, как кот на масло. Или на сметану. Или на сардельки производства фирмы «Велком».

— Та-ак! Наина Киевна Горыныч! Вы, стало быть?

— Сам не видишь? Не признаешь? Меня любой первоклассник знает.

— Помолчите, женщина! На фотографии вы по-другому выглядите!

— Дык это когда было-то? Я права получала еще в позапрошлом веке!

Баба Яга, в самом деле, не соответствовала дурацкому сказочному представлению о нечистой силе. Эффектная молодая женщина, стильно одета. Деловая вумен! Кроме того, очень сексуальная. Даже где-то сексапильная. Это вам не кот начихал!

— Права поменять надо. А вы? Емельян Иванович Иванов! Так?

— Ну!

— Нарушаем! Превышаем! Не соблюдаем!

Тут, как бы, раздался гром небесный. На перекресток выехал Байкер. С ревом и визгами, все как положено. На самом супер навороченном мотоцикле.

Описывать двухколесное сооружение нет смысла. Одно слово, Харлей Дэвиссон. Харламов и Денисов, если уж по-нашему, по-русски.

Сам Байкер здоровенный такой. Не хилей Ильи Муромца. Только весь в черной коже с заклепками на всех местах. Да рыжие патлы до плеч.

Лешак гаишник, само собой, его тормознул. Палочку выставил.

— Нарушаем! Не соблюдаем! Превышаем!

— Фильтруй базар, папаша! Не тридцать седьмой год! А то засуну эту палку тебе в левое ухо, выну из правого. Мозги-то прочищу. Дай дорогу!!!

— Эй, добрый молодец! — вдруг обаятельно заулыбалась Яга, — Я за тобой давно наблюдаю. Носишься все мимо, как угорелый. Все мимо, да мимо. Заехал бы в гости...

Байкер оценивающим взглядом окинул Ягу с ног до головы. Одобрительно ухмыльнулся. Яга, покачивая бедрами, подошла к нему поближе.

— Когда ждать? — откровенно в упор спросила она.

— В четверг! — тоже улыбнувшись, ответил Байкер,

— Сразу после дождя.

— Заметано. Нам дождь организовать, раз чихнуть! Уж не хуже Лужкова!

— Эй, господа хорошие! Может, сначала с ДТП разберемся?

— Закрой поддувало-о! — рявкнул Байкер.

Байкер взревел своим мотоциклом, как трехголовый Змей Горынович и скрылся за поворотом. Яга, мечтательно улыбаясь, смотрела ему вслед.

Не прошло и секунды, как вслед за ним, из-за леса на перекресток на лихом коне выскочил натуральный Опричник. Меч наголо, глаза горят, кудри развеваются по ветру. Конь у него под стать. Копытами так и бьет. Один в один Добрыня Никитич со всем известной картины «Три богатыря» всем известного художника.

— Демона не видали? Весь в черном такой! На двухколесном драконе!

— Проезжайте, гражданин! Проезжайте! Не создавайте пробки!

— Э-э-эх-х!!! — закричал Опричник.

Трое участников ДТП, как по команде, потрясли головами, сплюнули через плечо.

Леший вздохнул, повернулся к участникам ДТП. К Яге и Емелюшке.

— Будем составлять протокол! — с тоской в голове, заявил он.

— А то! — заявила Яга, — Что с него взять? Голь перекатная!

Короче, отобрали у нашего Емелюшки права на управления всеми транспортными средствами всех категорий. Загнал он самоходную печку обратно в сарай. В гараж, вроде. Сам на старую печку взобрался.

Старые сапоги не жмут, неказисты, да ног не испортят.

Во дворце все по-прежнему. Тишь, гладь, да размеренная жизнь. Звуки кларнета. Клара к международному конкурсу готовится. Словом, те же интриги, же вопросы.

— Как там электорат?

— Весь народ веселится и ликует!

— Указов, постановлений всем хватает?

— В самый раз!

— Может, каких законов не достает?

— Законов мало не бывает.

— Держим руку на пульсе.

— А с выборами что?

— Отменить надо! Одна морока! Все равно, альтернативы Вам нет!

— Что у нас за страна такая? Чего нихватишься, ничего нет. Законов хороших нет, любви нет, Бога нет, альтернативы тоже нет, — искренне сокрушался Царь. — Клара! Как моя дочь? Что-то ее не видно?

— Наш рейбенок райзвивайса гармонично! — ответила Клара. И перевернула очередную страницу очередной толстенной книги. Демонстративно.

А царевна Яна, чуть, что не по ней, хлопнет дверью и уходит в сад. Бродит там, среди яблонь, стихи какие-

то туманные наизусть вслух бормочет. Может, классика, какого, может, сама сочиняет.

Переходный возраст, одно слово.

В один из дней случилось невероятное. О чем наша бедная Яна и мечтать не могла.

Наткнулась она в собственном царском саду на... нашего Емелю. Тот лежал себе под яблоней. На спине, нога на ногу. Наблюдал, как царские яблоки с веток падают.

И опять невидимый Великий дирижер, (кстати, сидевший в этот раз на яблоне, на ветке, на самой верхотуре!), взмахнул палочкой, и... зазвучала тихая мелодия...

...Яна остановилась прямо перед Емелей. Уперла ручки в бока и принялась его сверлить осуждающим взглядом. А Емеля, ну, никак не среагировал. Скосил одним глазом, смерил ее с ног до головы и опять устался на ветки яблонь.

— Вы чего это разлеглись? В чужом саду.... На чужой траве...

— Сама приглашала в гости. Или забыла?

— Если думаете, вы такой неотразимый, и вам все дозволено, то глубоко ошибаетесь! — презрительно, (по возможности!), сказала Яна.

Емеля ничего не ответил, только вздохнул. Тяжело с этими бабами. Вечно у них претензии. Вечно они чем-нибудь недовольны.

— Носитесь на своей печке, нарушаете правила дорожного движения! — между тем, возмущенно продолжала царевна Яна.

— И что? — спросил Емеля.

— Это характеризует вас не с лучшей стороны! — достойно ответила Яна.

— Какой русский не любит быстрой езды?

— Дисциплинированный!

— Зануда, короче.

— Я... зануда!? — вспыхнула, как шведская спичка Яна.

— И ты тоже. Папина дочка! Жизни не знаешь!

— Маменькин сынок!!! — вскричала оскорбленная до глубины души Яна.

Емеля приподнялся из лежачего положения, сел. Скрестил руки на груди.

— Была б ты парнем...

— Что в таком случае? — с вызовом спросила Яна.

— Получила бы в глаз!

— Вполне в вашем духе. Когда нет достойных аргументов...

— Слушай, это... — неожиданно удивился Емеля, — А чего это ты меня «на вы» называешь? Я тебя обидел, когда или что?

— Или как! — ответила Яна.

В этот момент Великий Дирижер стукнул пару раз своей дирижерской палочкой по самому крупному яблоку. Спелое яблоко сорвалось с ветки и полетело вниз. Упало оно, естественно, прямо на голову Емеле. У него глаза сначала съехались к переносице, потом, вообще, разъехались в разные стороны.

Яна очень испугалась, бросилась к Емеле, опустилась рядом на колени.

— Вам не больно? Давайте, сделаю примочку?

Царевна достала из кармашка платок, смочила один конец духами из маленького флакончика, приложила к макушке Емеле.

— У меня... появилась... идея! — удивленно произнес Емеля.

— Какая... идея? — затаив дыхание, спросила Яна.

Конечно, она слышала про Ньютона. Нобелевская премия и все такое.

— Хотите сделать какое-нибудь научное открытие? Как Ньютон? Хотите получить Нобелевскую премию?

— Хочу... тебя... поцеловать!

Емеля и сам не ожидал, что из него выскочит эдакая идея. Ни о чем таком он раньше и думать не думал. И мечтать не мечтал.

Сказано – сделано!

Короче, притянул Емеля к себе за плечи царевну Яну и... поцеловал.

Прямо в губы. Долго-долго. Как в самом настоящем иноземном кино. Но самое удивительное, царевна Яна даже не сопротивлялась.

Естественно, невидимый Великий дирижер в это мгновение неистово размахивал своей палочкой, как сумасшедший. Симфония любви волнами гуляла и над царским садом. И даже над всем царством государством.

Вот так оно и бывает. Очень неожиданно. И очень закономерно.

Но рано или поздно все кончается. Даже подобные поцелуи.

Емеля отодвинул от себя Яну, поднялся с травы, поправил рубаху и... вздохнул.

— Ладно... пойду я... Дела у меня...

Царевна Яна смотрела на него широко распахнутыми глазами. Лицо ее было и счастливым, и испуганным, и растерянным одновременно. Все в одном флаконе. Она, прижав ладошки к щекам, во все глаза смотрела на Емелю.

— Что так смотришь? Делов-то! Тебя никто не целовал, чтоль?

— Никто... — едва слышно прошептала царевна Яна.

— Никто, никто? Никогда?

— Никогда...

— Ладно.... Не будем делать из этого проблему.

Пошел я...

— Вы... невежливы!

— Сама этого хотела! Или не так?

— Вы... плохо воспитаны!!

— Мы за границей не учились. Гарвардов и Оксвордов не кончали.

— Вы... нетактичны!!!

Из глаз царевны Яны покатались слезы. Крупные, как яблоки на ветках. Емеля, не оглядываясь, уходил вглубь сада.

— Стойте! Немедленно остановитесь! Я вам... приказываю!!!

Но Емеля и ухом не повел. Так и скрылся из вида.

Царевна Яна плашмя лицом вниз упала на густую зеленую траву. Она колотила сжатыми кулачками по земле и, безнадежно рыдая, без усталости твердила:

— Вы... невежливы! Нетактичны!! Неделikatны!!!

Вокруг градом падали с веток спелые наливные яблоки. Какого сорта, неизвестно.

После этой встречи залег наш Емеля опять на старую печку. Потому вдруг тоже осознал. Он трагически влюбился в царевну Яну.

Яна всем известно кто, царская дочь. Это вам не кот начихал. Тут с плеча рубить никак нельзя. Обдумать все надобно, обстоятельно. Одной стороны, она, такая как все. С другой, особенная. Вот тут и думай, ломай голову. Каждый сверчок, знай свой шесток. Так или по-другому можно?

Короче, впал наш Емелюшка в самую натуральную депрессию.

Угрожающее иноземное слово «депрессия!» гуляло по всему царству государству. Как бацилла, гриппа какая. От дома к дому, от улицы к улице, от избы к избе. Народ в массе своей сочувственно вздыхал и покачивал головами.

День лежит Емеля на печке. Другой лежит. В абсолютной недвижимости. Только изредка шишку на голове потирает. И тяжело вздыхает. В его-то годы!?

Мамаша переживает. А соседки масла в огонь подливают. При каждой встрече доброжелательно интересуются:

— Твой-то Емеля, все лежит?

— Депрессия у него.

— Эта депрессия всем известна. В царском дворце она проживает.

И начали в два голоса в оба уха мамаше информацию сливать. Что неудивительно. Царство государство небольшое, переплюнуть можно. А сороки с длинными

хвостами так везде и порхают. Вести разносят. Стало быть, все про всех все знают.

Само собой мамаша сильно озаботилась этим обстоятельством. Как водится, начала подъезжать к сыну с различными расспросами.

— Емелюшка! Тут соседки такую глупость сказали. Будто, ты с царской дочкой познакомился. Правда или врут?

— Было дело, — тяжело вздохнул Емеля.

И перевернулся на другой бок. Спиной к родной матери. Неуважительно, но что поделаешь. Молодежь нынче совершенно не та пошла. Вот раньше было.... А-а, ладно!

— А еще говорят, — не отставала мамаша, — будто она в тебя влюбилась! Вот бы, хорошо нам на ней жениться. Жили бы, горя не знали. На всем готовом.

— Мечтать не вредно! — неопределенно буркнул Емеля.

— Она хоть ничего из себя? Красивая или как?

— Или что! — раздраженно ответил Емеля.

Он опять резко перевернулся на прежний бок. Смотрел теперь на свою родную мать раздраженно, снисходительно. И даже где-то высокомерно.

— Какая она? — не унималась мать.

Емеля так глубоко вздохнул, даже занавески на окнах колыхнулись.

— Не знаю, поймешь ли... — почему-то с тоской в голосе, ответил он. И опять шишку на голове потрогал.

— Где уж мне, темной, необразованной.

— Глаза ее, конечно, на звезды не похожи.... И уста, тоже.... Уж никак нельзя кораллами назвать...

— А тело? — не выдержала мамаша, — Видная из себя, дородная?

— Что тело? — грустно сказал Емеля, — «Тело пахнет так, как пахнет тело». — Помолчал и нараспев добавил, — «Не как фиалки нежный лепесток».

— Вы уже... снюхались!? — в ужасе прошептала мать, — Правду, значит, говорят соседки?

— Это стихи, маманя-а! — сморщился Емеля, — Шекспир. Вильям. Великий английский драматург. Дуры они, твои соседки.

— Значит, свадьбе не бывать? — разочарованно протянула мать.

— Какая-то вы, маманя, утилитарная!

— Та-ак, понятно! — неожиданно разозлилась маманя, — Снюхался с царской дочкой, сразу родную мать в утиль!? Спасибо тебе, сынок!

— Я не в том смысле... — уныло протянул Емеля.

— Сходи-ка лучше за водой, Шекспир!

Емеля еще раз осторожно потрогал шишку на голове и начал слезать с печки.

У колодца та же история. Вынул бадью с водой, в бадье, как водится, Щука.

Старая знакомая. Возраст уточнять не будем. Все-таки, она женского рода.

Щука и говорит. На чистейшем русском:

— Что, Емелюшка, не весел? Что головушку повесил?

Емеля молчит, губы кусает. Видно, не может решиться.

— Наш джентльменский уговор в силе?

— А то! Ты мне колодец в безвременное пользование, я тебе любое желание. Чистый бартер.

— У нашего Царя дочка есть... — неуверенно начал Емеля.

— Знаю. В курсе. Царевна Несмеяна. Влюблена в Емелю. Емеля, по всему видно, тоже. В чем проблема?

— Вот этого я и не хочу! — решительно сказал Емеля. Как с плеча рубанул.

— Почему, чудак-человек?

— Болит вот здесь! — Емеля потер ладонью грудь, — Сильно болит!

— Стукнуло по башке, болит в груди? — хихикнула Щука. Даже не хихикнула, как-то забулькала, — Любовь это, неразумный ты наш, Емелюшка. Самая натуральная.

— Избавь меня от нее. Не хочу! Хочу быть свободным! Независимым!

— Вот этого я никак не могу.

— Обещала любое желание?

— Любое! — подтвердила Щука, — Кроме этого. Любовь не по нашему ведомству. Тут все колдуны, ведьмы и бабы Яги вместе взятые бессильны. Любовь — сама по себе волшебство. Разбирайся сам, касатик, со своей Несмеяной. Увы! И ах! Касатик! Ничем помочь не могу.

Емеля вздохнул, вздохнул глубоко-глубоко, взял в руки ведро.

— Другой бы радовался, — удивленно покачала головой Щука.

— Чему радоваться-то?! — изумился Емеля.

И даже ведро обратно не землю поставил.

— Кто она, и кто я? Где она, где я? Стена меж нами!
Стена неодолимая!

— Глупости говоришь! — рассердилась Щука, —
Любовь аршином не меряют!

— Дык ведь болит! Вот здесь, — постучал кулаком
себя в грудь Емеля, — болит! Сильно болит!

— Радоваться надо, Емелюшка!

— Не хочу я этого! — уже кричал Емеля, — Не хо-
чу!!!

— Стихи начни сочинять, — помолчав, задумчиво
молвила Щука, — Говорят, помогает. Все, что на душе,
записывай. Только чтоб в рифму, в рифму!

— Не умею я... стихи! Этому учиться надо! В Литера-
турном институте!

Ничего не сказала Щука. Лишь хвостом в воздухе
вильнула, замысловатый какой-то крендель выписала и
шлепнулась обратно в колодец. Емеля наклонился над
колодцем, сложил ладони рупором, принялся кричать:

— Не хочу я этого! — кричал Емеля, — Хочу быть
свободным!!!

Но вдруг замер, выпрямился, приложил ладонь к
груди и с некоторым удивлением и испугом, начал к се-
бе прислушиваться. Губы его, едва слышно шептали:

«Вот и лето прошло,
Словно и не бывало,
На пригреве тепло,
Только этого мало...»

Емеля, забыв про ведра с водой, закатив глаза к не-
бу, побрел в поля. Он шел, едва заметно покачиваясь,
напряженно бормоча себе под нос:

«Листьев не обожгло,

Веток не обломало,
День промыт как стекло,
Только этого мало.

Все, что сбыться могло
Мне, как лист пятипалый
Прямо в руки легло,
Только этого мало...»

С того самого дня соседки мамаше Емели просто прохода не дают. Терроризируют своим фальшивым сочувствием.

— Бедный Емелюшка! Влюбился и головушку потерял.

— Стихи сочиняет!

— Это уж самое последнее дело, стихи!

— Много вы понимаете! У него талант прорезался!?

Он – поэт!

— Да, уж! Куда там! Поэт, объелся котлет!

— Попроси помочь, фиг с маслом! Пофигист!

— Много вы понимаете, сороки! Нечего у моего дома отираться! Кышь, отсюда! Поэт в деревне, больше, чем поэт!

Мамаша дрын в руки взяла, продемонстрировала серьезность своих намерений.

Соседки, надо думать, ретировались.

А дальше случилась и вовсе какая-то... запредельная фантазмагория, извините за выражение! Наш Емеля заиграл на гармони. Откуда взял? Может, от отца осталась? Неизвестно! Где, когда, у кого учился? Полный

мрак. Нельзя же, в самом деле, с бухты-баракты, схватить... арфу и сбацать не ней... прелюд С.В.Рахманинова!? А сольфеджио? А тональности? А гаммы? Ну, хоть какие-то ноты знать надо?

Оказывается, можно! Запела, заныла душа, схватил первый попавшийся под руку инструмент, растянул меха, (развернись плечо, размахнись рука!), и понеслось.

Тем более, Великий Дирижер тут как тут. Веселый весь такой, в приподнятом настроении. Так и размахивает своей палочкой.

Понеслась над полями, да над чистыми, песня.

«Понапрасну ни зло, ни добро,

Не пропало!

Все горело светло,

Только этого мало!»

По все округе представительны прекрасного и одновременно слабого пола побросали свои грабли, метлы, прялки, скалки и застыли в неподвижности. Слушают.

«Жизнь брала под крыло,

Берегла и спасала.

Мне вправду везло,

Только этого мало!».

Бедная, счастливая и несчастная царица Яна в это время сидела во дворце у окна и, грустно вздыхая, писала письмо. Разумеется, Емеле. Кому еще-то она могла писать. И в ушах у нее, разумеется, звучали отголоски той самой симфонии, которую они оба слышали тогда, в саду под яблонями.

Я к Вам пишу. Чего же боле?

Что я могу еще сказать?
Теперь я знаю, в Вашей воле,
Меня презрением наказать.

Яна на секунду замолчала. Очевидно, подыскивала подходящую рифму.

— Все мужчины подлесь! — проходя мимо, между прочим, сообщила Клара.

Вряд ли царица Яна услышала. В это мгновение она была далеко, далеко...

Но Вы к моей несчастной доле,
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня?

Среди ночи Царь вызвал к себе обоих референтов. Но тех, на мякине проведешь. На драной козе не объедешь. Оба явились в костюмах, в галстуках, в темных очках. Будто и вовсе спать не ложились. А может, в правду, не ложились. Служба у них такая.

Царь батюшка без обиняков непосредственно к делу:

- Что нам известно о любви? Как факт.
- Рефлекс! Инстинкт!
- Игра гормонов!
- Задача! Надо царевну оградить от этих... инстинктов и гормонов! Какие будут предложения?
- Будем стараться!
- «Будем» это... фютюр самплы! Будущее неопределенное, если по-французски. Что намерены делать в настоящем? Конкретно!
- Ждем ваших указаний!
- Кто такой Емеля?

— Дурак! Лентяй!
— Соберите о нем всю информацию! В общественной жизни участие принимает? Лоялен или диссидент?
— Рифмоплет! Стишки какие-то туманные сочиняет. Мутные стишки.
— Досье на него имеется?
Референты мгновенно положили на стол две пухлые папки.
— В двух экземплярах!
Несколько минут Царь листал страницы. Взвешивал, оценивал, сопоставлял.
— Вызывайте Дантеса!
— Всегда готов. Ждет за дверью.
Один из референтов открыл дверь. В кабинете Царя возник субъект в мундире поза-позапрошлого века. С каким-то не запоминающимся лицом.
— Есть проблема! — глядя в сторону, сказал Царь,
— Имя Емеля.
— Уже в курсе, — ответил Дантес.
— Надо как-то... эту проблему решить,
— Дело привычное, — ответил человек по имени Дантес. — Вопрос оплаты.
— Наличными. Сумму назовете сами.
— Когда прикажете? Место?
— По вашему усмотрению.
— Время?
— Вчера! — с ударением, с нажимом сказал Царь,
— Этот самый Емеля...
— Работа есть работа. Ничего личного.
— И еще одно, — Царь задумчиво пожевал губами,
— Дочь, царица Несмеяна.... Перенесла серьезный

стресс. Впала в депрессию, одним словом. Сможете ее рассмешить, получите руку и сердце. И, как водится, полцарства в придачу.

— Две трети! — быстро сказал Дантес.

Царь поднял голову от бумаг, внимательно посмотрел на Дантеса и... улыбнулся. Только референты знали. Недобрый признак, если Царь улыбается. Очень недобрый.

— Две трети! — повторил Дантес.

Он-то знать не знал, ведать не ведал. Если Царь доброжелательно улыбается, бери ноги в руки и беги, куда глаза глядят.

— Торг неуместен, — улыбаясь, ответил Царь, — Вы свободны. Пока... свободны.

Очевидно, Дантес что-то такое понял. Или интуитивно почувствовал. Потому как побледнел. Почтительно поклонился и вышел.

— Подготовьте документы на экстрадицию этого... любителя нашей национальной словесности. Будем высылать!

— Давно готовы! — дуэтом ответили референты.

На следующий день царевна Яна сидела в яблоневом саду на скамеечке. Рассеянно читала книгу. Роман читала. Классический, старинный, нравоучительный и чинный. Без романтических затей. Конечно, она не видела, не могла видеть, на одной из яблонь, прямо над скамейкой расположился Великий Дирижер. Обхватил обеими руками ствол и, вроде, как бы, даже задремал.

Царевна Яна рассеянно читала, потому не сразу заметила, как перед ней возник тип с не запоминающимся лицом.

— Царевна! Яна! — начал он без предисловий, — В вас все гармония, все диво! Все выше мира и страстей!

Яна подняла голову от книги. Несколько секунд внимательно рассматривала его.

— Дали задание рассмешить меня? Ну, валяйте.

Она отложила книгу на скамейку. Скрестила руки на груди.

— Пора, красавица, проснись! Открой, сомкнуты негой взоры...

— Вы бы хоть представились, — поморщилась Яна, — Невежливо как-то.

— Что в имени тебе моем? Оно умрет, как шум печальный...

— Вау-у! — опять изумилась Яна, — И все-таки?

— Дантес! — произнес невыразительный тип.

Произнес с огромным достоинством. Даже где-то с гордостью.

— С вами все ясно, — сморщилась царевна Яна, — Были бы вы... Атос, Арамис или на худой конец Портос. А то... Дантес! Совсем совесть потеряли, да?

— Я встретил вас! И все... Вы понимаете?

— Пошляк! — жестко ответила царевна Яна, — А еще француз! Стыдно за вашу Республику!

— В моем лице вы оскорбляете.... Но я не обижаюсь. Я по жизни человек поэтический. В те дни, когда в садах Лицея я безмятежно расцветал. Читал охотно Апулея, а Цицирона не читал...

— Меня не интересуют подробности вашей биографии, — сухо сказала Яна.

Взяла со скамейки книгу, нашла закладку, раскрыла на прежней странице.

— Послушай, Яна-а! — повысив голос, с какими-то дикими завываниями продолжал Дантес, — Я рожден с душой, кипучею, как лава-а!

— Вы мне наскучили, любезный! Ступайте прочь! Эй, стража!

— Не двинусь с места! — пылко заявил Дантес. — Когда любовью и негой упоенный, перед тобой колено-преклоненный...

Но тут произошло непредвиденное. На него сверху, как горох из прохудившегося мешка, посыпались яблоки. На голову, на плечи. Сплошным потоком. Дантес только успевал отбиваться руками.

Разумеется, это были проделки нашего старого знакомого Великого Дирижера. Он, держа в зубах свою палочку, изо всей силы обеими руками тряс ствол яблони.

Несолидно, конечно, но что делать! Тем более, не все это видят.

Яна с любопытством наблюдала. Другая бы на ее месте, расхохоталась. Ситуация забавная, если не сказать больше. Но царица Яна только брезгливо морщилась.

Дантес все отбивался от падающих яблок, как от роя злобных пчел. Никак не меньше. И отступал. Все дальше и дальше от скамейки.

— Дикая... варварская... страна! Даже яблоки вовремя собрать не могут!

Куда ходят женщины узнать свою судьбу? Разумеется, к гадалке. Эту функцию в данном царстве государстве осуществляла Баба Яга. Между прочим, успешный бизнес развернула. Всех конкуренток передала, извела под корень. Монополизировала рынок гадальных услуг и жила себе процветаючи, припеваючи. Единственно властвовала.

Подошла Яна к железным воротам в три человеческих роста вышиной. Для начала прочла объявление. «Отвороты! Привороты! Оплата по факту!». Внизу приписка от руки. «Посредникам советуем не соваться!». Хотела постучать, но заметила переговорное устройство. Нажала на кнопку, на голубом экране появилась милостивая женщина. Вежливая, улыбающаяся. Только нос длинноват.

— Яга слушает!

Внутри избы на куриных ногах очень даже симпатично. Напоминает салон-выставку мебели фирмы «Икея». Бесшумно ведьмочки в кимоно шмыгают. И музыка, располагающая к откровенности из невидимых динамиков звучит.

Яна целую вечность ни с кем не говорила по душам. Хотя, ее можно понять, с кем во дворе поделишься самым сокровенным? Совершенно не с кем.

Потому царевна, даже не поздоровавшись, не усевшись, как следует на стул, вылила на гадалку Ягу сразу несколько ведер своего, сокровенного, девичьего, наболевшего.

Яга слушала внимательно, сочувственно кивала.

— Он очень непрактичный, незащищенный! Совершенно не умеет постоять за себя! Только глупые поверхностные люди могут называть его лентяем! Он жи-

вет очень богатой насыщенной духовной жизнью! Когда-нибудь мы все будем гордиться, что жили в одно время с такой незаурядной личностью.

— Он, это кто? Емеля? — уточнила Яга.

— Кто же еще? — удивилась Яна, — В нашем государстве только один поэт.

— Почему, поэт? — нахмурилась Яга.

— Он стихи сочиняет, — пылко сказала Яна, — Замечательные стихи! Вы не в курсе? Странно. Об этом каждая собака знает.

— Стихи на хлеб не намажешь. И в стакан не нальешь. Стихи — это болезнь! Надо лечить! — строго сказала Яга, — С Емелей все ясно. А у тебя самой что?

— Сердце... бьется.... И фантазии... разные.

Яга озабоченно достала из кармашка халата фоноскоп, воткнула себе в уши трубочки. Сосредоточенно прослушала грудь и спину царевны.

— Бьется.... С перебоями. Горло покажи!

Царевна Яна широко раскрыла рот. Яга внимательно что-то там высматривала.

— О чем фантазии?

Царевна Яна сильно смутилась, чуть отвернула голову в сторону.

— Ну... как мы вместе в путешествие поедem.... В круиз.

— На печке? — усмехнулась Яга, — Представляю картинку.

— Между прочим, — обиженно заявила Яна, — не важно на чем ехать, не важно куда, важно с кем!

— Тяжелый случай! — сочувственно кивнула Яга, — Нужны кардинальные меры!

Царевна Яна напряглась, поерзала на стуле, облизнула губы. Яга закурила тонкую длинную сигаретку, выпустила изо рта несколько колец.

— Я своего шестого мужа Кашея в первый же медовый месяц отравила, — спокойно заявила Яга.

— Он же Бессмертный!?! — изумилась Яна.

— Миф! — коротко ответила Яга, — Одно название. Он как руки распускать начал, я ему тут же в бокал три капли заморского яда и накапала. Умер и сам не заметил.

Яга недовольно затушила сигарету в пепельнице. Прямо-таки, раздавила.

— Девушка! — решительно, как бы, подводя некий итог, заявила Яга, — Ты мне нравишься. Хочу тебе помочь. Чисто по-человечески. Не смотри, что Яга. Я тоже баба. Вот что предлагаю. Лучшее средство от головной боли — гильотина. Лучшее средство от любви — яд. Веками проверенное средство.

— Вы... — ошарашено прошептала Яна, — вы... предлагаете!?

— Молодец! Умница. Сразу все поняла. Предлагаю отравить твоего Емелю. Три капли бесцветной жидкости, уснет, и сам не заметит. А ты избавишься от этой мороки. Страдания, переживания, стрессы всякие. Как, согласна? Заморский яд. Безотказно. Гарантия триста процентов. И обойдется дешево, тридцать серебряников. Отдам со скидкой. Могу даже в кредит.

Царевна Яна отрицательно помотала головой. Потом неожиданно спросила:

— Этих капель на двоих хватит?

— На десятерых! — обрадовалась Яга. Но тут же озаботилась, — Ты о чем?

— Да так, — неопределенно, пожав плечами, ответила Яна.

— Но учти, — напутствовала Яга, — это на самый крайний случай. Мужчин завоевывать надо. Постоянно удивлять надо. Каждый раз новой быть. Неожиданной, оригинальной. Даже экстравагантной.

После ухода Яны Яга долго сидела неподвижно. Покачивала головой.

— С печалью я гляжу на это поколение! — с грустью сказала она вслух.

Долгое время царевна Яна и Емеля не виделись. Очень долго. Несколько дней. Или, может быть, несколько веков. Не встречались, не пересекались.

Время шло. Иной раз даже бежало. Стремительно несло вскачь. На перекладных.

В следующий раз встретились наши герои на ярмарке.

Ярмарка — это что? Смех, радость, веселье. Качели, карусели. Торговля всякая.

— Кому гусь? Самый жирный гусь в государстве!

— Кабана хорошего, отдаю, совсем задешево!

В толпе почему-то японцы шастают. Все сплошь с кинокамерами. Народ веселится, торгуется. Раз в году, как иначе? На людей посмотреть, себя показать. Вон, медведь! На балалайке играет и вприсядку пляшет! А японцы щелкают.

И художественная самодеятельность, само собой. Это уж как водится. Без этого никак не возможно. Летний театр, любимое место посетителей ярмарки.

Яна, помня совет Яги, для маскировки нарядилась простолюдинкой. Скромный сарафанчик такой, лапти, платочек на голову повязала. За кулисами к вахтеру подошла. Он составлял список желающих выступить.

— Кто будешь?

— Елена. Дочь пасечника.

— Что у тебя?

— Песня. Про любовь.

— Под фанеру поешь? Или живьем?

— Акапельно. Без сопровождения.

— Твой номер восемь.

В примерной наша Яна достала из кармана баночку с медом. И помазала себе щеки. Для убедительности, для натуральности. Чем должно пахнуть от дочери пасечника? Не навозом же или дегтем.

Пока Яна гримировалась, готовилась к выходу, на сцене выступала Клара. Играла на кларнете всемирно-известную мелодию «Полет шмеля!».

Наградой ей были сдержанные, но одобрительные аплодисменты.

Яна осторожно вышла на сцену, несколько раз судорожно вздохнула и... запела. Голосок у нее был ничего. Не сильный, но приятный.

Выступала она с песней. «Я тобой переболею, ненаглядный мой!».

Концерт идет. Поет наша бедная несчастная царевна Яна. Невидимый Великий Дирижер, (в этот раз стоящий в первом ряду среди публики!), по возможности

помогает, помахивает своей палочкой. Чтобы Яна с ритма не сбивалась...

«Я узнаю цену рая, ад, вкусив в раю!

Я тобой переиграю молодость мою!».

Поет Яна, поет. Слегка покачиваясь из стороны в сторону, поет, поет.... А сама глазами по толпе вокруг сцены бегаёт. Высматривает, ясно кого? Конечно, Емелюшку своего ненаглядного.

А того и высматривать не надо. Он как раз в это самое мгновение в кулисе стоит. Проникновенное пение царевны Яны совершенно не слушает. Переговаривается с каким-то парнем. Оба чуть не в голос хохочут.

«Вспоминай меня почаще, ненаглядный мой!».

Бедная Яна как увидела своего ненаглядного, сразу голос потеряла. От волнения осипла. Рот раскрывает, а оттуда ни звука. Публика у сцены начала смеяться. Потом недовольно шикать. Потом вообще, свист и возмущенные выкрики. Мол, не умеешь петь, нечего и на сцену вылезать. Внимания почтенной публики попусту занимать.

Короче, наша бедная Яна, вся в слезах убежала со сцены. Без аплодисментов. Под стук собственных лаптей.

Тут Емеля на середину сцены вышел и широко руки раскинул. В разные стороны. Стих читать собрался. Дождался тишины. И загрохотал:

«Над седой равниной моря-а!!!

Гордо реет буревестник!!!»

И все в таком духе. Не иначе дурных книг начитался, про революцию и все такое. Возомнил себя, как бы, Емельяном. Возможно, где-то, даже Пугачевым.

«То, крылом волны касаясь,
То стрелой, взмывая к тучам...»

Народ, в смысле, зрители, слушали внимательно, но без энтузиазма. Без ажиотажа. Народу все эти революции... по барабану. Сеять, косить, молотить надо. Уж если праздник, какой выпал, незачем его на всякие революции и смуты разбазаривать.

И тут опять неожиданность. Глупость, нелепость, несуразица. Наша бедная Яна, как вы помните, для убедительности, слегка помазала себе щеки медом. Как никак, дочь пасечника. Чем еще от нее должно пахнуть. Не дегтем же. ... Ну, да! С этим ясно.

Впрочем, возможно это Клара накаркала своим кларнетом.

Естественно, объявилась зловредная пчела. Здоровенная, как гусь. Прилетела с полей и начала над сценой кружить. Туда – сюда, туда – сюда. Чуть было все революционно стихотворное выступление Емели не сорвала.

Выручила, разумеется, Яна. Выскочила на сцену с веником в руке и давай гоняться за зловредной глупой пчелой. Тоже, туда – сюда, туда – сюда.

Пару раз Яна прямо перед носом у Емели пробежала.

А у того, самый кульминационный момент:

«Буря-а! Пусть сильнее грянет Буря-а!!!» — ревет он молодым медведем.

В третий раз Емеля не выдержал. Подставил пробежавшей мимо Яне ножку. Она, естественно, растянулась прямо на сцене. И опять, уже традиционно, ударилась носом об пол. На радость многочисленным зрителям.

Короче, наградой Емеле и царевне Яне были продолжительные и где-то местами бурные аплодисменты. Плавно переходящие в овации.

Правда, было неясно. Кому больше аплодируют? Емеле или царевне Несмеяне в роли дочери пасечника.

— Невезучая я, — всхлипывала за кулисами Яна, придерживая двумя пальчиками свой маленький носик.

Вокруг нее девицы-красавицы, душеньки-подруженьки. И Клара, разумеется. Все с советами и сочувствием. Охают, ахают. Лейкопластырь ей на нос приклеивают.

— Все мужчины подлеса!

— Хотела, как лучше. Получилось, как всегда, — всхлипывала Яна.

После концерта Емелю разыскал в толпе Дантес. Сразу наезжать начал.

— Сударь! Вы публично нанесли оскорбление женщине! Моей будущей невесте, между прочим! Извинитесь!

— Да, пошел ты...

Из толпы тут же возник Байкер. Распихивая любопытных, подошел ближе. С другой стороны подошел Опричник.

Нашему народу только дай возможность побузить. Особенно, если какие иностранные гости ведут себя оскорбительно. Для нашего национального менталитета. Тут мы все, как один! Плечом к плечу, ноздря в ноздю!

— Чего этому козлу надо!

— Ребята, спокойно! Без международных инцидентов.

Дантес, между тем, шарит по карманам в поисках перчаток. Правила того требуют. Но перчаток нет, как нет. Наверняка, сперли. На ярмарке это явление не прецедент.

— А-а, дьявол! Варварская страна-а! Перчатки украли!

Дантес, так и не нашедши перчаток, просто толкнул нашего Емелю в грудь.

— Сударь! Я вызываю вас! Вы – негодяй и невоспитанный человек!

Тут Байкер не выдержал. Скинул черную куртку свою, бросил ее на землю.

— Ах ты... Герострат маринованный! На наш генофонд руку поднимаешь!? Ах ты... лягушка французская!!!

— Попрошу не вмешиваться! — пытаюсь не выказывать страха, говорил Дантес.

— Емелю не трожь!!! — ревет Байкер, — Он мне как брат родной!!!

Короче, схватил разъяренный Байкер этого самого Дантеса за грудки, поднял в воздух и начал вертеть им над своей лохматой головой. Дантес только руки ноги в стороны раскинул, «Ма-ма-а!» сказать не успел.

Руки и ноги его уже вращались в воздухе, как лопасти вертолета.

Тут японцы со всех сторон со своими камерами набежали. Вспышки, вскрики, толкотня. Даже ручной Медведь не выдержал. Влез на бочку, стукнул себя в грудь лапой и ка-ак заревет на всю ярмарку:

— Р-р-ребята-а!!! Наших бью-у-ут!!!

Все смешалось в царском дворце. Факсы, принтеры стучат, словно взбесились. Оба референта навтыяжку перед Царем стоят. Бледные, как чистые листы бумаги. Дело-то нешуточный оборот принимает.

До Царя, естественно, дошли слухи о разборке на ярмарке. Не могли не дойти. Уже международным конфликтом пахнет. А там... Лучше о том не думать!

— Надо этого Емелю... послать! — грозно молвил Царь.

— Куда? — дуэтом спросили референты.

— Куда подальше. Справитесь?

— Элементарно!

— Чтоб все по закону. Горячие точки в государстве есть?

— Сотворим. Запалим, — ответили референты.

— Желательно отправить его... за пределы.

— Без проблем, государь.

— Какие предложения?

— Типа, пойдя туда, сами не знаем куда! — быстро сказал первый референт.

— Как бы, принеси то, сами не знаем чего! — добавил второй.

— Именно. Но чтоб все по закону. Закон строг, но он закон! — мрачно сказал Царь. Помолчав, добавил, — Осилите?

— Легко! — дуэтом ответили референты.

— Если с моей стороны помощь потребуется. Ну, там... Постановление, какое или что. Указ. Информационная поддержка. Обращайтесь!

Наша бедная несчастная Несмеяна, как прослышала, что ее ненаглядного Емелю отправляют неведомо куда, неведомо зачем, просто взбеленилась вся. Всю посуду на царской кухне переколотила. Ворвалась в кабинет царя, бросила в лицо тирану:

— Обидеть Емелю может каждый! — гневно заявила она.

Вышла из кабинета и изо всей силы хлопнула дверью. Даже референты в темных очках вздрогнули. И выразительно переглянулись.

Но через мгновение Несмеяна опять появилась в дверях. Одним пальчиком она осторожно придерживала ставший уже традиционным кусок лейкопластыря на носу.

— Немедленно отмени дурацкий закон о Емеле!

— Не могу, дочка, — развел руками в стороны Царь, — Что написано пером...

— Емеля — поэт!

— Дочка! Рифмовать — дело нехитрое, — усмехнулся Царь, — Так и я могу! Речка, печка, свечка, колечко...

— Колечко, крылечко, сердечко... — дуэтом мгновенно подхватили референты.

— Молча-а-ать!!! — гневно вскричала царица Яна, — Емеля — талант! Умом Емелю не понять! Отправлять поэта в ссылку, неведомо куда, неведомо зачем!? Так поступали только законченные тираны!

— Дочка! Все путем. Потерпи! Не обижайся! — попросил Царь, — Сама знаешь, на обиженных воду возят.

— Дочь царя, Несмеяна, не обижается, — нейтральным тоном ответила Несмеяна. И вдруг загадочно улыбнувшись, добавила, — Она мстит!

— Моя порода! — довольно улыбнулся царь, как только дверь за ней закрылась.

И все затихло в царском дворце. Где недавно звонкий смех звенел или пререкания, скандалы всякие, теперь тишина оглушительная. Нехорошая тишина.

Как стемнеет, по коридорам даже летучие мыши порхают. Совсем плохо дело.

С того дня Царевна Яна окончательно впала в эту самую депрессию. Можно сказать, бесповоротно. Сидит неподвижно в кресле, даже никаких книг не читает. В шаль, теплую кутается, как старушка. Неподвижным взглядом в окошко смотрит.

А за окном тоже все по-прежнему. Никаких новостей. То яблоки с веток падают, то желтые листья кружатся. Потом огромные капли дождя, да темные тучи.

Чуть посветлеет, это белые хлопья снега медленно падают с неба. Падают, падают.... И так до бесконечности. По кругу.

А Яна все сидит в кресле у окна. Только изредка поживает под теплой шалью. Все неподвижным взглядом смотрит куда-то за линию горизонта.

Царь не шутку озаботился состоянием дочери. Срочно созвал всех приближенных. А их у него, честно говоря, всего-то, раз, два и обчелся. Два референта, да Клара.

— Какие предложения? — мрачно спросил Царь.

— Организовать шоу!
— Концерт клавесинной музыки... — начала, было, Клара. Но ее не услышали.
— Развлекательное шоу!
— С шутками и песнями!
— С шутками? — переспросил Царь.
— Веселыми безобидными шутками! — подтвердил первый референт.
— И фокусами! — подхватил второй.
— Если царевна хотя бы улыбнется... — с тоской молвил Царь. Помолчал, потом добавил, — Каждый получит квартальную премию.

Развлекательное шоу состоялось на следующий день. В зал приемов согнали весь обслуживающий персонал. Поваров, дворников, горничных. Заправлял всем этим представлением Ведущий. Шарообразный, вроде, мужчина с писклявым голосом.

— Дамы и господа! — орал он дурным голосом, — Выступает всемирно-известный фокусник, ученый и публицист, писатель и артист, психолог и просто красивый мужчина.... Маньяк Гаспарян!!! Встречайте, господа! Встречайте!!!

На середину залы вышел Фокусник.

— Прошу вашего внимания, господа! Гениальное изобретение века! Бутерброд, падающий исключительно маслом вверх! Помогите мне!

Две помощницы моментально поставили в центр зала небольшой столик.

— Берем самый обыкновенный кусок хлеба! Хлеб — всему голова. Особенно, ржаной, хлебозавода «Вам в

рот!». Но это так, к слову. Обыкновенный кусок хлеба. Одинаковый с обеих сторон. Намазываем его сливочным маслом. Желательно молокозавода «Пейте - трезвейте!». Вот так, аккуратно...

Фокусник, действительно, как заправский официант, намазал хлеб маслом.

— Теперь внимание! Подбрасываем бутерброд вверх! Чтоб он несколько раз перевернулся в воздухе! Внима-а-ание!

Фокусник подбросил бутерброд под самый потолок. Тот полетал, полетал и упал... маслом вверх! Все присутствующие только ахнули.

— Ваши аплодисменты, господа! — вмешался Ведущий.

Бурные и продолжительные аплодисменты были наградой Фокуснику.

Когда аплодисменты стихли, все услышали мрачный голос царевны Яны:

— Глупость!

— Почему... дочка? — растерянно спросил Царь.

— Просто он намазал хлеб не с той стороны! — тоскливо ответила Яна.

Ведущий продолжал отрабатывать свой нелегкий эстрадный хлеб.

— Лауреат международных премий! — орал он дурным голосом, — Несравненный Коржик Фарфоров!!! Встречайте, господа! Встречайте!!!

Обслуживающий персонал послушно начал хлопать в ладоши. На середину зала выскочил длинный худой тип в разноцветных одеждах, с перьями из всех мест.

Начал дергаться, как эпилептик и громко петь:

— Ты мое крылышко, я твой хвостик!
Ты моя щечка, я твой носик!
Ты моя пятка, я твой голень!
Ты мой стебель, я твой корень!
Щечка-а... моя-а-а!!!

Царевна Яна с тоской выразительно посмотрела на отца. Царь виновато пожал плечами. Худой тип с перьями из всех мест, между тем, все продолжал:

— Ты мой крестик, я твой нолик!
Ты наркоманка, я алкоголик!

Яна вынула из волос шпильку и спокойно ткнула ей в воздушный шарик, который держал в руках один из референтов. Шарик с оглушительным грохотом лопнул.

В зале началась паника. Вся публика на пол попадала.

— Хазары-ы! Террористы-ы!
— Хазары-ы!

Царь громко хлопнул в ладоши. В зале воцарилась тишина.

— В чем дело, дочка? — озабоченно спросил Царь,
— По-моему, все замечательно.

— Папочка! Это... пошлость! Неужели сам не видишь!?

— Массовая культура, — виновато развел руками Царь.

— Заведи цензора.

— Вот от тебя, дочка, я этого никак не ожидал! — удивленно произнес Царь.

— Мы молодое поколение! Мы выбираем любовь!

Царевна Яна, гордо вскинув голову, ни на кого не глядя, покинула залу.

Воспитательница Клара сидела у раскрытого окна, традиционно дудела в кларнет.

На подоконник с шумом опустилась Сорока, у которой на хвосте была резинкой закреплена какая-то записка. Клара со вздохом отложила кларнет в сторону, сняла с хвоста Сороки записку, брезгливо двумя пальцами развернула, прочла по складам:

— Из-за леса.... Из-за гор... Возвращается... Емеля...

Покачала головой, строго сказала. Обращаясь неизвестно к кому:

— Не фижу... рифмы...

Жестом шуганула Сороку с подоконника. И направилась в покои царевны Яны.

Царевна Яна стремительно бежала по полю. В сопровождении невесть откуда взявшихся двух маленьких собак. Веером во все стороны из травы из-под ее ног разлетались кузнечики. Ветер свистел у нее в ушах.

Только пыль столбом, только густые травы к земле пригибаются. Пару раз Яна даже через чьи-то плетни перемахнула. Как заправская спортсменка барьеристка.

Одета наша царевна Яна была довольно непрезентабельно. Простая домотканая рубаха, бесцветная невыразительная шаль, лицо кое-где местами то углем, то мелом измазано. Короче, только голые пятки сверкали из-под длинной юбки.

Но как хороша! Глаза горят, щеки пылают, волосы на ветру развиваются.

Что любовь творит, просто фантастика!

Встретились Емеля с Несмеяной в самом подходящем для того месте. На мосту. Оба оказались в нужном месте в нужное время. Хотя, мост – слишком сильно сказано. Так, небольшой мостик через речку. Но вдвоем не разойтись. Никак. Что, согласитесь, большой плюс. В нашей ситуации.

Встретились на самой середине. Друг другу в глаза смотрят, оторваться не могут. И оба молчат, как воды во рты набрали.

Оба довольно крепко изменились за эти годы. Но у обоих в ушах уже одинаковая музыка звучит. Такая тихая и красивая. Типа, симфонии. Вроде бы, та, что звучала в яблоневом саду. И вроде, другая.

Что бывает, сами понимаете, исключительно в исключительных случаях. Это наш старый знакомый, Великий дирижер опять взмахнул своей палочкой и...

Весь мир вокруг замер в напряженном ожидании. И лягушки квакать перестали. Даже рыбы головы из воды высунули и ждут.

Первой пришла в себя Несмеяна. Встряхнула эдак головой и спрашивает:

— Ты кто?

— А ты... кто?

— Я первая спросила.

— Емеля я. А ты?

— Бестемьяна.

— Красивое имя. Только непонятное. Где-то я тебя видел, красавица.

— Мы раньше никогда не встречались, — поспешно ответила Несмеяна, — Издалека путь держишь?

— Сапоги омывал в Индийском океане! — ответил Емеля.

— Типа, inferнальный долг исполнял, — понимающе кивнула она.

— В натуре. Без всякой мистики.

Емеля, улыбаясь и глядя прямо в глаза Яне, вдруг во все горло запел:

— «Эх, сколько видано-о! Эх, перевидано-о!

Сколько видано, перевидано,

Вспомнить будет о чем!».

— Так и будем стоять?

— Ты куда торопишься?

— У некоторых... — улыбаясь, с ударением сказала она, — ...насчет уважения к женщинам, проблемы! Мог бы дорогу уступить.

— Солдат Емеля никогда не отступает! — тоже улыбаясь, ответил Емеля, — Ни шагу назад! Только вперед!

— Мне в речку прыгать прикажешь?

— Ни в коем разе! — испуганно заявил Емеля, — Не дай Бог, ноженьки замочишь! Где живешь, красавица?

— На мельнице. Я дочь мельника, — интуитивно брякнула Несмеяна.

Оправдание ее фантазии, внешний вид солдата Емели. Стоптаные до невозможности сапоги. Правый даже веревкой перевязан. Чтоб подошва не отвалилась. Выцветшая гимнастерка, штаны, о них и говорить не хочется, одно название.

Допустим, если б призналась, что она - дочь царя, та самая Яна-Несмеяна. Типа, законная наследница престола, что бы вышло?

Нет, что ни говори, женская интуиция, хоть и бежит чаще всего впереди мозгов, но зато редко ошибается.

Короче, поднял Емеля красавицу Несмеяну, (по ее версии Бестемьяну!), на руки, развернулся на середине моста на сто восемьдесят градусов и перенес ее на берег.

Осторожненько так поставил на землю.

— Все-таки, где-то я тебя видел, красавица!

Козырнул и направился опять на мост. Строевым шагом. Не оглядываясь.

— Не споткнись, Емеля! Не дай Бог, упадешь!

— Русский парень в воде не тонет! — не оглядываясь, прокричал Емеля.

И сглазил. Неожиданно на ровном месте на самой середине моста споткнулся, потерял равновесие, как-то нелепо замахал руками и... упал прямо в речку.

Фонтан брызг до облаков! Каскады мелких капель!

И залиvistый смех Несмеяны.

Впервые за долгое время царевна Несмеяна смеялась от души. Не по злобе, не от вредности характера, не желая унижить или просто причинить мелкую неприятность Емеле. Совсем по другой причине.

А Емеля, между тем, тонул самым натуральным образом. Без шуток. Пускал пузыри, судорожно махал руками и едва слышно сипел:

— Тону-у.... В натуре-е.... Погиба-аю-ю-у!!!

Царевна Яна, как истинно русская женщина, (в данном контексте, девушка!), не стала стоять, сложа руки. Наши женщины они известное дело. Коня на скаку, раз плюнуть. В горящую избу, легко. Только свистни.

Выбежала наша Яна на мостик и сиганула прямо в речку. В мгновение ока доплыла до тонущего Емели и вытащила его за волосы из воды.

Но самое удивительное было не в этом. Самое удивительное было в том, что оба они стояли на мелководье. По колени в воде. Может, чуть повыше. Утонуть в этом месте, очень постараться надо.

— Ах ты, обманщик! Здесь ребенок утонуть не сможет! Даже если захочет!

— От обманщицы слышу! Какая ты дочь мельника! В зеркало на себя давно смотрела? Нарядилась, намазалась! От тебя за версту французскими духами несет!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Думаешь, я тебя не узнал? Яна-Несмеяна. Дочь Царя!

— Я что ли в этом виновата?

— Уж я тем более ни в чем не виноват!

— Ты виноват уж тем, что ты Емеля!

Емеля вдруг дернулся, замер. Потом с силой провел ладонями по лицу.

— Слушай, Яна-а! Что это мы оба стихами заговорили? К чему бы это?

— С кем поведешься, от того и наберешься!

Оба весело засмеялись. И начали друг в друга брызгать водой. Как малые дети.

И как по заказу, от фонтана брызг и каскада мелких капель в ярких лучах солнца над речкой, над мостом, как бы, связывая этих двоих, неожиданно возникла... радуга.

Что, всем известно, является самым добрым знаком.

Над всем царством государством по разным направлениям запорхали, захлопали крыльями вездесущие сороки. У каждой на хвосте какая-нибудь записка. У иных даже по несколько штук болтается. Как гирлянда.

Царь опять вызвал советников среди ночи. Почему-то все большие руководители любят работать по ночам. Хлебом их не корми, дай своих подчиненных перебулгатить, разбудить, вызвать на ковер. Светлого дня им мало.

Вообще, было ощущение, в последнее время по коридорам и залам дворца гуляла какая-то странная, до боли знакомая мелодия. «Вихри враждебные веют над нами...». Какие такие вихри? Кому конкретно они в данный момент враждебные? Было неясно.

Но атмосфера напряженности и даже какой-то зловещей угрозы была налицо. Все это чувствовали. Повара, на всякий пожарный, недосаливали все блюда. Горничные перестали выметать пыль. Якобы, плохая примета, выносить сор из избы.

Царь безвылазно сидел в кабинете за столом. Мрачнее тучи.

— Проблема Емели не решена! Предложения?

— Ждем ваших указаний! — бодро, (будто поутру!), отрапортовали референты.

— На иноземных наемников надежды нет. Будем изыскивать внутренние резервы. Какие конкретные предложения?

— Может, его...

— Нет, ни в коем случае! — быстро сказал Царь.

— Тогда, может...
— Это тоже не выход! — жестко ответил он.
— Остается одно...
— А вот над этим поработайте! — обрадовано потер руки Царь, — Свободны!

Ночью у стен дворца луна такая нестерпимо яркая, хоть иголки собирай. На небе ни облачка. И оглушительная тишина. Только сверчки нагло перекрывают стрекотом даже лай сторожевых собак.

Спальня царевны Яны, естественно, в недоступной башне располагается. Круглые гладкие камни, поросшие мхом, уходят вертикально вверх. На самом верху балкончик. Вот на нем, как и полагается в таких ситуациях, появилась Яна. Вся в белом.

Бедный Емеля внизу у подножья обретаётся. Наверх ему путь заказан. Можно со своей любимой только переговариваться. Или перестукиваться азбукой Морзе.

Так они и стоят, бедные. Недостигаемые друг для друга. Она на балконе, он внизу у подножья башни. Темно, они и не видят почти друг друга.

Короче, дальше вообще началась какая-то средневековая шекспировщина, извините за выражение. Оба вдруг стихами заговорили.

Царевна Яна восклицает. И руки куда-то в пространство простирает:

— Емеля! Как мне жаль, что ты Емеля!
Забудь отца, да имя измени.
А если нет, меня женою сделай,
Чтобы царевной больше мне не быть.

Емеля весь во внимании. Что ему еще-то делать?
Стой, да слушай!

Царевна Яна со страстью продолжает:

— Лишь это имя мне желает зла.
Ты б был собой, не будучи Емелей.
Что есть Емеля? Разве так зовут
Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?
Неужто больше нет других имен?
Что значит имя? Роза пахнет розой.
Хоть розой назови ее, хоть нет.
Емеля под любым названием был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Емеля!
И всю меня бери тогда взамен!

Ну, тут Емеля, естественно, нее выдержал. Любой
бы не его месте не смолчал:

— О, по рукам! Теперь я твой избранник!
Я новое крещение приму, чтоб только
Называться по-другому!

Царевна Яна на мгновение испугалась. Хотя, конечно,
догадывалась, кто там!

— Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?

Емеля тут же, как солдат доложил. Как положено:

— Не смею называть себя по имени.
Оно благодаря тебе мне ненавистно.
Когда б оно попало мне в письмо,
Я б разорвал бумагу с ним на клочья.

Царевна Яна залилась счастливым смехом! И ее
можно было понять.

— Десятка слов не сказано у нас!

А как уже знаком мне этот голос.

Ты не Емеля? Не Емеля ты? — лукаво шепотом спросила она.

— Не тот, не этот. Имена запретны! — в тот ей ответил наш Емеля.

Неожиданно царица Яна всерьез озаботилась. Испугалась не на шутку.

— Как ты сюда пробрался? Для чего?

Ограда высока и непреступна.

Тебе здесь неминуемая смерть,

Когда б тебя нашли мои родные.

— Меня перенесла сюда любовь,

Ее не оста-а-а... А-а-а!!!

И почему-то наступила странная зловещая тишина.

— Емеля! Где ты? Отзовись! — заволновалась Яна.

Наш бедный Емеля при всем желании не мог отозваться. В это время он с кляпом во рту и связанными руками болтался в мешке за спиной одного из типов со знакомыми физиономиями под темными очками. Правда, сейчас они были в полумасках.

Но сути дела это ничуть не меняло.

Темные очки в пол-лица, темные полумаски. Что в лоб, что пол лбу.

Произошло это мгновенно. Емеля и рта не успел раскрыть, чтоб ответить Яне, как сзади на него набросились два типа, заломали и запихнули в мешок.

Вот так оно и бывает. В самые неподходящие моменты. Жизнь нынче такая.

Сквозь швы в мешке Емеля видел только ночное небо. И слышал голоса:

— Куда дальше? — шепотом спросил первый.

— На мост. Кинем в реку и дело с концом. Как договорились, концы в воду.

— Слушай, это... все-таки, он поэт! Нехорошо как-то...

— Поэт, объелся котлет! Президентов с моста в речку кидали и ничего. Помнишь, который все на рельсы грозился лечь? Выплыл, ничего. Живой, здоровый.

— Под этим я не подписывался! — шепотом заявил, кажется, первый референт.

Тем не менее, криминальная парочка в темноте, спотыкаясь о коряги и кочки, наконец-то вышла к реке.

Тяжело дыша, референты, (разумеется, это были они! Кто же еще?), выволокли на середину моста мешок. Дружно взявшись, раскочаили и... бросили его в воду!!!

Громкий всплеск воды, казалось, разбудил всех в округе. Но это только казалось.

Тяжелые круги по воде медленно разошлись во все стороны. Пошуршали камышами у берега и на сей раз наступила настоящая зловещая трагическая тишина-а!

И вдруг... (в жизни всегда все самое интересное, важное, судьбоносное происходит именно «вдруг!»), из-за поворота реки, вспарывая, как торпеда плавниками зеркальную воду, появилось какое-то крупное водоплавающее. Глубоко нырнуло в том месте, где минуту назад скрылся мешок с бедным Емелей, (только на секунду мелькнул над поверхностью, вроде бы, знакомый щучий хвост!), и тут же вода вскипела. Возник просто гейзер какой-то! Поднялся фонтан! На несколько метров ввысь!

И выкинул тот фонтан аккуратненько прямо на берег пресловутый мешок.

А крупное водоплавающее так же стремительно, как появилось, скрылось за поворотом тихой реки. И опять – тишина, тишина-а!

В мешке какое-то время наблюдалось сопение и шевеление. Потом в прорези показалась лохматая голова Емели. Голова выплнула кляп изо рта, откашлялась и облегченно вздохнула. Полной грудью.

— Русский парень в воде не тонет! — торжествующе прошептал Емеля.

Наша бедная Яна вырядилась натуральной цыганкой. Черный, как смоль парик нацепила с длинными волосами, желтая кофта с красной жилеткой, пол дюжины юбок разноцветных на себя напялила.

Направилась, естественно, прямо к дому ненаглядного Емелюшки. А тот как раз у колодца. Ведро водой наполнил, присел на скамеечку у колодца, передохнуть.

— Емелюшка! Позолоти ручку! Судьбу предскажу. Что было, что будет, чем твое сердце успокоится.

— Откуда меня знаешь, красавица?

— Ты личность популярная. Имидж у тебя сердцееда. Девушки по тебе табунам сохнут. Позолоти ручку.

— Так уж и табунами?

— Стихи твои в тетрадки переписывают! Позолоти ручку! Не жмотись.

— Не при деньгах. В одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи.

— Бедной цыганке отказать, судьбу спугнуть.

— Вот только не надо. Дорога дальняя, казенный дом. Этого не надо. Проходили. Где-то я тебя видел, красавица! Как зовут?

— Выпьем на брудершафт, скажу!

— Это в магазин пилить ... — уныло ответил Емеля,
— Печку растапливать...

— У меня с собой. Заначка есть. Во! «Цыганское. Десертное».

Цыганка Яна достала из своих необъятных юбок бутылку вина. И два пластмассовых стаканчика. Быстро и ловко наполнила их, протянула один Емеле.

— Вообще-то... я непьющий, — неуверенно сказал Емеля.

— Раз в жизни можно. Даже нужно. Хочешь узнать судьбу, пей!

Емеля взял в руки пластмассовый стаканчик, понюхал, сморщился.

— Что-то у меня... предчувствие... нехорошее.

— Давай, давай, поехали! — настаивала цыганка Яна.

«Не пей вина-а, Емеля-а!» — вдруг донеслось из глубины колодца. «Не пей... Козленочком станешь!».

— Непьющий я...

— Ты мужик или ты кто? — рассердилась цыганка Яна.

Емеля и цыганка Яна, переплетя руки, выпили, трижды поцеловались.

В это мгновение Великий Дирижер, внезапно возникший за их спиной, взмахнул палочкой и... зазвучал похоронный марш Мендельсона! То-есть, пардон, Шопена!

Грустный такой марш, он у каждого на слуху.

— Вот... и все! — спокойно сказала Яна, — Теперь мы навеки вместе!

Емеля недовольно сморщился, потирая желудок, покачал головой.

— Так как тебя зовут?

— Матлюба.

— Странно.

— Чего это тебе... странно?

— Сколько цыганок знаю, такого имени не встречал.

— Много ты понимаешь! Одно слово, Емеля! Люба — значит, любовь. Мат — значит, мать. Мать любви! Элементарно.

— Где я тебя видел?

— Все! Прощай, Емелюшка! Встретимся в другой жизни!

— Пока не скажешь, где виделись, не пущу!

Емеля цепко схватил цыганку Яну за руку, усадил рядом на скамейку.

— Пора... — тоскливо, со слезами в голосе сказала Яна, — Табор уходит в небо.

— Подождет твой табор...

— «А напоследок я скажу-у!!!» — вдруг очень выразительно, с чувством запела цыганка Матлюба. Тире царевна Яна.

— «С ума схожу-у! Иль восхожу-у... к высокой степи безумства!».

— Эй! погоди! Где-то я тебя все-таки, видел, красавица...

— «Прощай! Любить не обязуюсь!», — запрокинув голову, пела цыганка Яна.

Емеля проникновенно слушал. Понимающе кивал. Потом как-то постепенно и незаметно голова его склонилась на грудь, он прикрыл глаза и...

...И в это мгновение раздался пронзительный визг. На поляну перед колодцем из-за поворота вылетела ступа бабы Яги. С мигалками, с крякалками, со стробоскопами, с сиренами. «Скорая помощь», «Пожарная команда», ГАИ и МЧС в одном виде.

Емеля уже никак не реагировал. Цыганка Яна, рассеянно улыбаясь, сидела рядом с ним на скамеечке и крепко держала его за руку.

Из ступы выскочила Яга, подбежала к парочке любовников.

— Выпил? — выкрикнула она.

— Оба выпили, — устало, улыбаясь, кивнула цыганка Яна, — На брудершафт.

— И что-о? — растерянно спросила Яга.

— Как видите...

Яга выхватила из ее рук бутылку с надписью «Цыганское. Десертное», понюхала, посмотрела на свет. Потом взболтала и одним махом выпила остальное. Несколько секунд прислушивалась к себе. Напряженно, сосредоточенно. Потом сплюнула.

— Так и знала! — раздраженно сказала Яга, — Поставщик надул! Фальсификат! Контрафакт подсунул! Ну, я ему...

Цыганка Яна, между тем, как и Емеля глубоко вздохнула и склонила голову на грудь. Так они и сидели на скамеечке, держась за руки, склонив головы.

Звуки похоронного марша Шопена все нарастали. Звучали все громче и громче.

В этот момент ручка у колодца сама по себе быстро завертелась. Через секунду, восседая в бадье, как на троне, над колодцем появилась Щука. Меж плавниками она держала серебряный ковш с водой.

— Эй ты! Сила нечистая! — приказала она Яге, — Дай им обоим напиться!

— Только без оскорблений, — недовольно проворчала Яга, — И в суд подать можно. За оскорбление чести и деловой репутации.

Но, тем не менее, ковш с водой взяла. Подошла к сидящей на скамейке парочке, насильно влила каждому из них в рот по полковша воды.

Поэт Емеля и цыганка Яна одновременно потрясли головами, раскрыли глаза и недоуменно начали осматриваться вокруг. Будто только что проснулись.

— Слушай, это... цыганка! — удивленно спросил Емеля, — Ты меня что, отравить хотела? Зачем?

— Да какая она цыганка-а! — вскричала Яга, — Разуй глаза, рифмоплет!

Яга схватила Яну за руку, резко дернула на себя и подняла со скамейки. Одним движением она сдернула с ее головы черный парик, другим разом стянула с нее все разноцветные юбки. Яна осталась в одной мини-юбке. Очень симпатичной, кстати.

— Яна-а!? Ты-ы!? — ошарашено прошептал Емеля, — Зачем все это? Зачем ты хотела меня отравить?

— Себя тоже! — быстро ответила Яна, — Чтоб быть вместе. Навеки!

Великий Дирижер тут же взмахнул палочкой, и невидимый оркестр грянул марш Мендельсона! Каждый знает, в каких случаях его исполняют.

— Да, погоди ты! — раздраженно бросила Яга Дирижеру, — Еще не вечер!

— По-моему, давным-давно пора! — отозвалась из бадьи Щука, — Чего тянуть?

Царевна Яна и поэт-самоучка Емеля смотрели друг на друга. Великий Дирижер некстати, громко закашлялся. Достал платок и громко высморкался.

— Поразительно бестактный тип! — откомментировала Яга.

Дирижер спрятал платок, взмахнул палочкой и...

Странное дело, но почему-то не зазвучало никакой симфонии. Ни звука!

Все, присутствующие на поляне перед колодцем, только недоуменно переглядывались. Дирижер размахивал палочкой, а музыки почему-то не было. Хоть тресни.

— В чем дело? — сдерживаясь, спросила Яга.

— Посмотрите на них! — свистящим шепотом произнесла Щука.

Емеля и Яна сидели на скамеечке, крепко обнявшись, и, совершенно очевидно, оба спали беспробудным сном. Оба крепко утомились. Дело понятное.

Когда уже совсем смеркалось, под окнами дворца со стороны дворницкой появился странный незнакомец. В дырявом цилиндре, в дырявых сапогах с ботфортами, через плечо котомка. Он долго всматривался в окна. Потом осторожно кинул в одно из них небольшой камень.

— Клара-а! — полушепотом произнес он, — Это я — Карл! Я вернулся.

В окне, в которое целил Карл, шевельнулась занавеска. Возник женский силуэт.

— Кто там? — тревожно спросила Клара.

— Это я... Я вернулся...

Довольно долго силуэт в проеме окна никак не реагировал.

— Что вам угодно? — наконец, тоже полушепотом, спросила Клара.

— Я виноват. Я чудовищно виноват перед тобой. Давай начнем все сначала, а? Я долго искал тебя. По всем странам и дворцам. Чтоб попросить у тебя прощения. Давай начнем сначала, а?

— Что вам угодно? — уже менее уверенным тоном повторила сверху Клара.

— Хочу вернуть твои украшения.

— Уходите! Я вас вычеркнула из своей жизни! — донеслось сверху.

Довольно долго обе фигуры, и внизу под окном, и в проеме окна, молчали. Стало уже совсем темно. Где-то тревожно залаяли собаки.

— Клара! Я замерз! И три дня ничего не ел!

— Уходите! Я вас знать не желаю!

— Клара! Сбрось мне лестницу. Я только погреюсь у твоего камина и уйду. Теперь уже навсегда, — продолжал в темноте настаивать Карл, — Я должен вернуть тебе драгоценности. Не пустишь, я замерзну под окнами и умру!

Силуэт в окне никак не реагировал. Даже не шевелился.

— Моя смерть будет на твоей совести! — почти в полный голос заявил Карл.

Ответом ему было стоическое молчание фигуры в окне.

Только сторожевые собаки лаяли вдали.

— Прощай! — обречено, уже в полной темноте сказал Карл, — Прощай! И помни! Я всегда любил только тебя одну!

В темноте едва можно было, с трудом различить сгорбленную фигуру, которая поправила котомку на спине и медленно побрела вглубь сада.

Когда Карл уже почти скрылся в темноте сада, сверху, со странным осторожным грохотом, спустилась веревочная лестница.

Сердце женское, как известно, не камень. Самая древняя истина.

Мчалась по российскому бездорожью Печь. Валил из длинной трубы черный дым. Восседали на ней ОН и ОНА. И даже по сторонам не смотрели. Исключительно друг на друга. Оно и понятно, любовь — не картошка, дело серьезное.

Впереди печи ехал Байкер на своем ревущем чудовище. Прикрепил на длинном шесте красное знамя и непрерывно сигналил всеми мигалками, крякалками, вспышками. Сгонял с дороги гусей, уток, поросят и прочую домашнюю живность. За спиной у него на заднем сидении сидела Яга. Тоже вся в черном кожаном. Прижавшись к Байкеру всем телом, крепко обхватив его руками, она, зажмурившись, счастливо улыбалась.

Сзади печи, чуть поотстав, как почетный эскорт, три всадника. Уже знакомый нам Добрыня Никитич, Алеша

Попович и, разумеется, Илья Муромец. Лица у всех строгие, сосредоточенные. При исполнении.

А печь все набирала и набирала ход.

Справа и слева от дороги стояли знакомые все лица. Вон.... Красная Шапочка с корзинкой в руке. Улыбаясь, приветливо машет им вслед ручкой.

Напротив нее, на другой стороне дороги Кот Базилио и Лиса Алиса. Тоже машут лапами. И улыбки на их мордах, может, впервые в жизни доброжелательные и даже где-то искренние.

Чуть в стороне от пыльной дороги, в уютном маленьком болотце на огромном листе лилии в кресле восседает сама Черепаха Тортилла. Она салютует Емеле и Несмеяне. Отдает им честь на манер офицеров французской армии.

Рядом на скамеечке под березой сидят Клара и Карл. По очереди, передавая, друг другу кларнет, играют какую-то знакомую незамысловатую мелодию. На проезжающую мимо печь даже смотрят. Оба поглощены музыкой. И друг другом.

Напротив, на противоположной стороне у обочины стоит Буратино. Он держит за руку свою Мальвину. Оба тоже улыбаются. И приветливо машут руками.

Еще чуть дальше по ходу движения на опушке леса никак не может оторвать свою длинную бородищу от дуба Карабас Барабас. Он виновато разводит руками в стороны. Мол, рад бы проводить вас, тоже вслед помахать, да вон бородища проклятая мешает. Никак не желает отклеиваться от ствола.

А Печь несется все быстрее и быстрее, все набирает и набирает скорость, уже почти летит. Только вскрикнул

в испуге зазевавшийся прохожий. Да на лугу буренки от изумления рты пооткрывали. Так и остались стоять. Даже жевать перестали.

Эх, печка! Птица печка, кто тебя выдумал? Знать у бойкого народа ты могла только родиться. В том краю, где не любят шутить. А просто любят. Без шуток.

И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом. А наскоро одним только мастерком снарядил и собрал тебя расторопный ярославский печник.

Печь! Куда несешься? Дай ответ! Не дает ответа!

Автору можно написать:
e-mail: aserg251@yandex.ru

Автора можно поблагодарить, положив на его счёт:
Сбербанк России. Мещанское отделение. 7811/0706
Счет - 42307.810.3.3809.1401049
или на номер телефона:
89152448889
любую посильную вам сумму.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!